

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Наталья Сидорова

Рассказ А. И. Куприна «Изумруд»: опыт исторического комментария

In the article the short story «Emerald» by A. Kuprin is analyzed with the reference to its historical context. Such a perspective allows offering another interpretation of the text, which has usually been considered as the one belonging to an animalistic tradition. Besides, paying attention to the historical background gives an opportunity to reconstruct the plot of the story, which used to be non-obvious. The genre of the story may also be defined: there are reflections both of a feature store and a moral parable in the «Emerald».

Key words: trotting, orlovsky/American trotter, ostranenyie, animalism, comparative psychology.

В статье проанализирован рассказ А. Куприна «Изумруд» со ссылкой на его исторический контекст. Такая перспектива позволила предложить иную интерпретацию текста, нежели та, которая традиционно рассматривала текст как принадлежащий анималистической традиции. Кроме того, изучение исторического фона дает возможность восстановить исторический сюжет, который ранее был неочевиден.

Ключевые слова: скачки, орловский (американский) рысак, анимализм, сравнительная психология.

Введение

Наша статья посвящена литературной семантике такого важного явления русской жизни XIX в., как увлечение лошадьми в дворянской среде. В особенности же нас будет интересовать феномен рысистых бегов как объект литературного описания. В качестве основного текста для анализа мы выбрали рассказ А. И. Куприна «Изумруд» (1907). Обманчиво простой сюжет повествования остается неясным вне интерпретации исторического контекста и специфического словесного материала. Однако, эта очевидная энигматичность традиционно упускается из виду: Куприн, в особенности те его произведения, что принято относить к детской и /или анималистической литературе, изучен плохо и еще хуже прокомментирован. Между тем, учитывая во многом «журналистский» склад писательской манеры Куприна, естественно ожидать в его сочинениях некоторых реакций на важные точки общественного и литературного интереса. Таковые обнаруживаются и в одном из известнейших его текстов — «Изумруде», анализируя который мы будем преследовать две цели. Во-первых, для уяснения

смысла событий, происходящих в рассказе, необходим историко-культурный комментарий к ситуации рысистых испытаний на рубеже XIX и XX вв. Во-вторых, требует обсуждения и литературная составляющая сюжета: анализ мотивов, связанных с бегами, расширение контекста за счет привлечения научной и русской литературной традиций в изображении лошадей и их «внутреннего мира».

Изначальный анализ сюжета выявляет его простоту: основная фигура повествования — четырехлетний рысак по кличке Изумруд — просыпается утром накануне забега. Глазами лошади описан антураж столичного ипподрома и бегов в целом; важно, что слово «описание» здесь ключевое — рассказ беден событийно, но насыщен именно пейзажами и портретами. За чисткой и запряжкой Изумруда следует сцена забега — короткая и увенчанная безоговорочной победой жеребца, которая — вопреки читательскому ожиданию — становится причиной скандала и смерти рысака. Абсолютно нелогичный финал является корнем затруднительной интерпретации текста, опровергая наш изначальный тезис о простоте его сюжета. Сложность эта, впрочем, преодолима — через привлечение историко-бытового фона и контекста.

Исторический контекст

Временные рамки периода, охватывающего актуальные для рассказа события, — 1880–1910-е гг.

Явлением, определившим характер развития русского рысистого спорта в этот период, стала американизация бегов. Суть процесса, помимо прочего, заключалась в импорте американских рысakov, которые, уступая орловским по всем эстетическим параметрам (будь то экстерьер или красота хода), имели значительно преимущество в скорости.

Поскольку коннозаводство держалось исключительно на частной инициативе, естественным желанием большинства владельцев спортивных орловских рысakov в сложившихся обстоятельствах стало получение быстрой «скороспелой» лошади — новой породы, на создание которой не требовалось бы много денег и времени. Так появились полукровки — продукт скрещивания орловских и американских рысakov.

Бессистемная метизация вскоре стала угрозой для существования орловской лошади — большая часть лучших кобыл ушли в скрещивание и были потеряны для породы [28, с. 12].

Одним из средств, предпринятых для ее возрождения, стал ряд «реформ» на российских ипподромах, одна из которых имеет ключе-

вое значение для интерпретации текста «Изумруда». Заезды теперь были двух типов: открытые (в них имели право участвовать лошади трех пород — орловской, стандартбредной и полукровки) и, соответственно, закрытые (доступные только для орловских рысаков). Важно при этом, что если лошадь орловской породы побеждала в открытом забеге, призовая сумма возрастала.

Обращаясь к тексту рассказа, мы очевидным образом можем заключить: Изумруд участвует в открытом забеге. На кругу ипподрома рядом с ним представители, по крайней мере, двух пород — метисы и орловские рысаки («Серый, в темных яблоках, рослый беломордый рысак, *чистой Орловской породы*, с крутой собранной шеей и с хвостом трубой, похожий на ярмарочного коня, перегнал Изумруда» [1, с. 14]; «Потом подошла сзади стройная, длиннотелая гнедая *кобыла-метиска*, с жидкой темной гривой») (там же) — *курсив наш, Н. С.*

На этом этапе анализа возникает закономерный вопрос: какой породы сам Изумруд? Напрямую в повествовании она не названа; очевидное обращение к историческому контексту подтвердит, что упущение это — не просто намеренное, но ключевое для текста.

Тотализатор к концу XIX в. уже обрел свою силу, бега перестали быть только «испытанием породы»: коннозаводчики *зарабатывали* на скорости своих лошадей. Желание получить максимум (а в сложившихся обстоятельствах максимумом были призы для орловских лошадей в открытых забегах) без риска проигрыша привело к участвовавшим случаям мошенничества. Владельцы метисов и американских рысаков выдавали своих лошадей за орловских, ставили их на круг в открытых забегах и, ожидаемо побеждая, получали огромные деньги еще до того, как афера раскрывалась.

Среди прочих фиктивных рысаков на московском ипподроме появляется жеребец по кличке Рассвет, которого владелец позиционирует как орловского. Однако техника бега и экстерьер выдают в лошади американского рысака. Правда выходит на поверхность, история получает необыкновенно широкую огласку, и Рассвет, ставший теперь для владельца источником проблем, погибает, отравленный во время утренней кормежки [27, с. 39].

История эта произошла в 1904 г.; через три года свет увидел рассказ Куприна, дублирующий историю Рассвета и, в каком-то смысле, обобщающий похожие на нее ситуации, которых на тот момент было немало. Возвращаясь к тексту, важно отметить, что исторический фон, помимо

прочего, объясняет столь странный для современного читателя финал рассказа: он выявляет причины, побудившие людей отравить призовую, очевидно способную приходить первой лошадь. При этом принципиальный вопрос о породе Изумруда, остается открытым.

Существует ряд характерных примет, комплексные сочетания которых являются маркером той или иной породы. Среди таких черт экстерьер, масть, особенности движений, наконец, характер лошади. Несмотря на то, что описание Изумруда в рассказе исчерпывающее, необходимой конкретики в нем нет. «Портрета», данного Куприным, достаточно, чтобы представить рысака, но мало, чтобы определить его породу.

Для доказательства этого тезиса достаточно обратиться к описанию масти: «Четырехлетний жеребец Изумруд — рослая беговая лошадь американского склада, серой, ровной, серебристо-стальной масти» [1, с. 3 — курсив наш, Н. С.]. Единственное, что очевидно — масть одноцветная, что, в свою очередь, характерно как для орловских, так и для американских рысаков. Разница в оттенках: если среди первых распространены светлые животные, то среди вторых чаще встречаются темные. Семантика же эпитетов «серый» и «серебристо-стальной» слишком размыта, настолько, что невозможно точно определить, светлая лошадь или темная.

Отметим также, что в описании Изумруда периодически возникает прилагательное «американский» — идет ли речь о внешности жеребца или его ходе (« [об Изумруде] Это была настоящая американская выездка» [1, с. 13 — курсив наш, Н. С.], «Она [кобыла-метиска] была прекрасно выработана по той же американской системе, как и Изумруд» [1, с. 14 — курсив наш, Н. С.]. Однако даже из такого предельно конкретного определения, Куприн делает косвенное: Изумруд «американского склада», но не породы; рысак *выезжен* по американской системе — применявшейся к орловским лошадям наравне с американскими (одно из следствий американизации бегов в России) [28, с. 13].

Отсюда напрашивается вывод, что Куприн намеренно обезличивает описанную в тексте лошадь. В этом, как нам представляется, — ключ к определению рассказа как нравственной притчи. Куприн вступает в своеобразную полемику с установившимися на ипподромах законами: *породу* лошади, ее способность приносить деньги он отстраняет на периферию текста, выводя в центр апологию природной красоты и силы, воплощение которых — Изумруд.

Этот прием выводит нас на еще одну грань проблематики рассказа — положение лошади (и животного вообще) в реальном и художественном пространствах.

Литературная традиция

Говоря о литературных подтекстах, нельзя не упомянуть очевидную отсылку к повести Л. Н. Толстого «Холстомер» (1886), указанную самим Куприным в эпитафии. Впрочем, отсылку эту можно интерпретировать не столько как «подражание», сколько как полемику. В ключевых позициях Куприн отходит от толстовской схемы.

Во-первых, специфика повествовательной структуры «Изумруда» в том, что лошадь фиксирует, но не комментирует происходящее, в то время как толстовский мерин порой пускается в философские рассуждения. При этом для Толстого наиболее важны именно эти рассуждения, в них — суть текста. Наглядная иллюстрация такого различия — восприятие лошадьми людей.

Изумруд не идет дальше сравнения человека с лошастью (к примеру, в описании англичанина: «Вот тот, высокий, худой, сгорбленный, у которого битое лицо и золотые очки — о, это совсем другое дело <...> Он весь точно какая-то необыкновенная лошадь — мудрая, сильная и бесстрашная» [1, с. 6]). Холстомер же дает оценки.

Отсюда — второе расхождение. В композиции и сюжете «Изумруда» центральное место занимает лошадь как таковая, а для Толстому важно «остранить» человеческие поступки через «психологию» Холстомера, для него лошадь — литературный инструмент, призма, способная преломить реальность.

Таким образом, оглядка на литературную традицию — не приоритет для Куприна. Это подтверждает и сравнительный анализ анималистики А. П. Чехова и «Изумруда»: несмотря на схожую формальную сторону, в чеховском рассказе «Белолобый» (1895) сознание животного изображается значительно проще, чем у Куприна.

В ряду общих черт — особенности нарратива: повествование в обоих текстах ведется от третьего лица; животные «очеловечиваются», но не столь последовательно, как у Толстого. Волчица, как и позже Изумруд, опирается на память; она *мыслит*, но не *говорит*, при этом мысль ее по-животному примитивна. Тем не менее, Чехов не ставит перед собой задачи описать когнитивные способности волчицы с позиции хоть сколько-нибудь приближенной к на-

учной; художественный элемент в его тексте не просто преобладает, но остается единственным — в этом его основное отличие от «Изумруда», при рассмотрении которого необходимо учитывать еще одну традицию.

Научная традиция

Гипотеза о том, что Куприн опирался на современную ему научную традицию, выглядит тем обоснованней, что рубеж XIX–XX вв. был ознаменован не только прорывами в компаративной и зоопсихологии вообще, но и появлением довольно громких теорий относительно сознания лошади в частности. Животные в купринской анималистике наделяются человеческими чертами — в первую очередь, характером и интеллектом. Именно такой взгляд постулировался в компаративной психологии, одновременно переживая нападки со стороны его противников.

Так, Вильгельм фон Остен [30, с. 30–38], первым предположил и попытался доказать на практике существование у лошади не просто разума, но интеллекта, основываясь на опытах, проводимых им в 90-х годах XIX в. Теория его однако рухнула после вышедшего в 1904 г. опровержения. Впрочем, последователи у фон Остена все же были: дело его продолжил Карл Кралль, чей труд «Мыслящие животные» (нем. 1912, рус. 1913) стал одним из основных для становления компаративной психологии как дисциплины.

Этот научный сюжет не находит, конечно, прямого отражения в рассказе Куприна, однако тот факт, что первая попытка доказать наличие у лошади интеллекта по времени практически совпала с появлением «Изумруда», не может остаться не упомянутым.

Второй небезынттересный для интерпретации купринского текста момент — является появление в России Джеймса Филлиса, английского мастера Haute Ecole, и его книга «Основы выездки и езды» (англ. 1900, рус. 1901).

«Вопреки расхожему мнению, умственные способности лошади очень ограничены, а одарена она главным образом памятью»; «Привязанность лошадь не чувствует, ей свойственна только привычка»; «Лошадь совершенно равнодушна к тому, кто за ней ходит и кто на ней ездит» [12, с. 52] — таковы основные вехи позиции Филлиса относительно интеллекта лошади.

Нам не известно мнение Куприна относительно концепций фон Остена или Филлиса, однако тексты его во многом созвучны воззре-

ниям первого и полемичны по отношению к идеям второго. Отсюда напрашивается вывод, что Куприн имел собственный взгляд на вопрос «психологии» животных: фактически каждый его анималистический текст — манифест интеллектуальной природы животного сознания. И «Изумруд» в этом плане — особенно яркий пример.

Заключение

Итак, комментарий к историческим реалиям позволяет восстановить смысл фабулы рассказа «Изумруд», осветить некоторые «темные» места произведения, определить многослойность его структуры.

Являясь художественным текстом, «Изумруд» отклоняется от литературного полюса, тяготея к полюсу в корне противоположному: текст соотносится с научной традицией, частью тоже полемично.

Несмотря на то, что лошадь у Куприна приближена к человеку, грань между животным и человеческим мирами не стирается, напротив, становится резче: последний показан как разрушительный и абсурдный, губящий истинную природную красоту.

Подтверждением этого тезиса может служить прием, которым Куприн вводит в текст людей, убивших Изумруда. Их двое — хозяин («высокий человек в длинном пальто и новой блестящей шляпе, которого Изумруд часто видит у себя в конюшне, треплет его по шее и сует ему на ладони в рот кусок сахара» [1, с. 20] и «...большоголовый, заспанный человек с маленькими черными глазками и тоненькими черными усами на жирном лице» [1, с. 22]). Помимо того, что описание лишено всякого положительного тона, именно эти двое в сознании Изумруда никак не соотносятся с лошадьми.

Таким образом, происходит, во-первых, их полное отсечение от природного мира и, во-вторых, введение в текст полемической пары «природа» vs «человек», которая является ключевой для многих купринских текстов, не только анималистических. Конфликт этот находит свое разрешение и в «Изумруде»: лошадь, воплощение природы, загублена не столько человеком, сколько созданной им *культурой* — бессмысленной машиной, которая перемалывает все, что ни попадает в ее жернова.

Подводя сказанному выше, выскажем предположение о жанровой принадлежности купринского текста. Судя по всему, «Изумруд» пример комбинаторного феномена: сочетая в себе элементы документального очерка и нравственной притчи, он в то же время является и вполне состоятельной научной теорией, облеченной в форму художественного текста.

Список литературы и источников

1. *Куприн А.* Изумруд // Полное собрание сочинений А. И. Куприна. Т. 4. СПб, 1912. С. 3–23.
2. *Толстой Л.* Холстомер // Л. Толстой. Воскресение. Повести. Рассказы. М., 1976. С. 529–558.
3. *Кралль К.* Мыслящая животная: пер. с нем. СПб, 2007.
4. *Куприн А. И.* Десять заповедей писателя-реалиста // Афанасьев В. Н. Александр Иванович Куприн. М., 1972. С. 156—158.
5. *Лопатин Н.* Металл, жупел, тотализатор: Кошмары московских купчих. М., 1908.
6. *Филлис Дж.* Основы выездки и езды. М., 2001.
7. *Шереметьев Г.* Тотализатор и закон. М., 1903.
8. Американские рысаки и лошади Северной Америки. М., 1890.
9. Тотализатор в России. СПб, 1909.

II.

10. *Афанасьев В.* Куприн. М., 1972.
11. *Афанасьев С.* Орловский рысак: К двухсотлетию породы. Пермь, 2010. [подготов. в печать 1975 г.]
12. *Витт В.* История коннозаводства. М., 2003.
13. *Волков А.* Творчество А. И. Куприна. М., 1981.
14. *Воровский В.* Из истории новейшего романа (Горький, Куприн, Андреев) // Статьи о русской литературе. М., 1986. С. 290–303.
15. *Дьякова Е.* Александр Куприн // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2000.
16. *Киселев Б.* Рассказы о Куприне. М., 1964.
17. *Колтоновская Е.* Куприн как выразитель эпохи // Образование. М., 1907. Апр.
18. *Кулешов Ф.* Творческий путь А. И. Куприна: 1907–1938. Минск, 1987.
19. *Куприна К.* Куприн — мой отец. М., 1979.
20. *Невзоров А.* Лошадиная энциклопедия мастера Haute École Александра Невзорова. М., 2010.
21. *Телешов Н.* «Среда». Литературный кружок // Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980.
22. *Шапшал М.* Лошадь столетия. М., 1936.
23. *Шкловский В.* Искусство как прием // О теории прозы. М., 1925.
24. *Юцлер-Киндерман Х.* Могут ли животные думать? Книга о разуме и нраве животных: пер. с нем. М., [2011].
25. *Vamplew W. A.* The turf: A Social and Economic History of Horse Racing. London, 1976.